

Хобби Ци Лин было рисование и обработка фото. Когда Жун Юйхэн обмолвился, что хочет нарисовать под внешним углом глаза маленький цветок персика, она согласилась без колебаний. Работа спорилась в ее руках — Ци Лин просто обожала Жун Юйхэна, ведь он был не только красив, но и умел рассмешить кого угодно.

Когда Ци Лин рисовала ему лепестки, она действовала так бережно и аккуратно, словно расписывала и покрывала глазурью изящный фарфор.

Закончив, она загорелась новой идеей:

— Давай сестричка добавит тебе еще немного золотых блесток!

Жун Юйхэн радостно воскликнул:

— Тогда я буду самым блестящим птенчиком в твоих руках!

А затем они оба заплясали:

— Е-е-е!

Бянь Чэнь, проходивший мимо уже во второй раз, не выдержал:

— Жун Юйхэн, ты что, идиот совсем?

Жун Юйхэн обернулся к девушке:

— Сестричка, нарисуй ему кучку какашек.

Ци Лин с готовностью отозвалась:

— С радостью!

Бянь Чэнь мгновенно вскипел:

— Жун Юйхэн, сгинь с глаз моих!

Жун Юйхэн залился смехом:

— Хи-хи-хи-хи-хи!..

—

Закончив с гримом, оставалось только ждать своего выхода.

Жун Юйхэн сделал круг за кулисами и снова заметил Вэнь Чжэчэна. Тот сидел в углу вместе с Кэ Тином и о чем-то беседовал. Жун Юйхэн бросил на них взгляд и уже собирался пройти мимо, как Вэнь Чжэчэн внезапно поднял голову, и их глаза встретились.

Проследив за взглядом Вэнь Чжэчэна, Кэ Тин увидел Жун Юйхэна и с улыбкой помахал ему рукой.

Жун Юйхэн притопал к ним:

— Учитель Кэ, Учитель Вэнь.

Кэ Тин окинул его взглядом:

— Готов к выступлению?

— Более-менее, — ответил Жун Юйхэн.

Неизвестно, видел ли Кэ Тин черновые записи шоу или это было случайное совпадение, но он с улыбкой спросил:

— Только более-менее?

Жун Юйхэн улыбнулся:

— Ну, тогда чуточку лучше, чем просто «более-менее».

У Вэнь Чжэчэна почему-то сразу покраснели мочки ушей. Ему показалось, что его поддразнивают!

К счастью, они перекинулись лишь парой слов, и Жун Юйхэн убежал. Как только он скрылся из виду, Кэ Тин повернулся к Вэнь Чжэчэну:

— Учитель Вэнь, вы знаете, что сегодня покажет младший Жун?

Вэнь Чжэчэн покачал головой.

Кэ Тин, словно вспомнив какую-то сцену, невольно прыснул:

— Хотя это и не так мощно, как выступление ребят вроде Цзянина, но все равно очень мило.

Вэнь Чжэчэн промолчал.

«А когда он не был милым?» — подумал он.

Перед Жун Юйхэном выступал Дань Ци. Его номер уже подходил к концу; высокий, чистый голос артиста пробивал толстые стены закулисья, вызывая в зрительном зале шквал безумных криков и аплодисментов. Волна фанатского восторга буквально захлестывала зал.

В судейских креслах Цяо Тань не мог скрыть искреннего восхищения. Повернувшись к Сун Тану, он с улыбкой заметил:

— Тому, кто выходит следом, придется несладко. Давление колоссальное.

Сун Тан уже видел список выступлений. Загадочно покачав головой, он ответил:

— Ну, это еще как посмотреть.

Когда последняя нота Дань Ци растаяла под куполом сцены, прожекторы погасли, но возбужденный зал все никак не мог утихнуть.

В следующую секунду зрители услышали голос ведущего:

— Встречайте участника под номером тринадцать — Жун Юйхэн!

Едва притихший зал мгновенно взорвался с новой силой:

— Жун Юйхэн! А-а-а-а!

Сверху с тихим щелчком вспыхнул прожектор, очертив световой круг в самом центре сцены. Жун Юйхэн, стройный, длинноногий, в свободной белой рубашке с рукавами три четверти, стоял прямо под лучом и сжимал в руке микрофон.

Камера выхватила его лицо крупным планом: его прекрасные, лучащиеся светом глаза в форме лепестков персика отражали сияние софитов, а под внешним уголком поблескивал аккуратный розовый цветочек.

В зале такие детали было не разглядеть, но зрители онлайн-трансляции тут же сошли с ума:

— А-а-а-а, из какого леса сбежал этот лисенок в человеческом обличье?!

— Боже мой, у него и правда звезды в глазах! Постойте, почему такое спокойное вступление? Неужели он споет серьезную песню?

— Цветок персика под персиковым глазом! Нашему Гусенку Жун в этом году суждено утонуть в любви!

...

Корпорация «Жунши». Все тот же знакомый кабинет, все тот же большой деревянный стол.

Только на этот раз за ним сидели двое.

Жун Тяньшэнь и Жун Цунъянь устроились бок о бок перед открытым ноутбуком, на экране которого крупным планом показывали Жун Юйхэна, чьи черты лица были так похожи на их собственные.

Жун Тяньшэнь соорудил недовольную мину и громко проворчал:

— Еще и цветок нарисовал! На что это похоже? Глаза б мои не видели!

Жун Цунъянь не удержался от шпильки:

— «Глаза бы не видели», а сам трансляцию включил. Пап, ты сейчас ведешь себя как типичный... кай-уай.

— Что еще за «кай-уай»? — недоуменно спросил Жун Тяньшэнь.

Жун Цунъянь инстинктивно почуял опасность и тут же с самым серьезным видом принялся нести чепуху:

— Это означает «контроль и испытание». Ты просто устраиваешь Сяо Хэну испытание.

Жун Тяньшэнь посмотрел на него с сомнением, но его внимание тут же переключилось на экран.

Камера на экране взяла общий план. Жун Юйхэн внезапно вскинул правую руку над головой и расплылся в невероятно сладкой, лучезарной улыбке:

— Сэ-но... (Приготовились!)

Шквал комментариев на мгновение замер, а затем, едва зазвучала веселая и ритмичная музыка, чат взорвался с новой силой:

— «Любовный круговорот»!!!

— Офигеть, это же чертовски мило!!!

Сидящий перед экраном Жун Цунъянь чуть снова не лишился чувств. Он бросил быстрый взгляд на отца и принялся наощупь искать в ящике стола успокоительное...

Жун Юйхэн задорными прыжками переместился из центра сцены вперед, протягивая руку к зрителям:

— Демо соннан дзя дамэ! (Но так не пойдет...)

— Моу соннан дзя хора! (Если будет так, то смотри...)

— Кокоро ва синка суру ё, мотто-мотто! (Наши чувства будут расти, еще сильнее, еще больше!)

Напевая эти строки, он задорно взмахивал руками, призывая зал подпевать. Большинство зрителей отлично знали правила интерактива этой песни и на последних словах дружно выкрикнули:

— Мотто-мотто!

К концу песни движения всех зрителей в зале стали на удивление слаженными. Атмосфера накалилась до предела, ни в чем не уступая взрывному выступлению Дань Ци.

Цяо Тань в судейском кресле изумленно покачал головой:

— Это что, влияние аниме-культуры?

Цзинь Чжияо едва сдерживала желание начать подпевать. Сжав кулачки, она с энтузиазмом пояснила:

— Это сила эмпатии внутри одного культурного круга!

Цяо Тань многозначительно улыбнулся:

— А вы, Учитель Цзинь, неплохо в этом разбираетесь.

Цзинь Чжияо мгновенно замолчала.

«...» Черт, спалилась.

Песня подошла к концу под радостные крики зала. Жун Цунъянь тем временем уже привычно отыскал кнопку голосования и принялся изучать комментарии.

В центре экрана Жун Юйхэн пропел последнюю строчку:

— Мэгуриаэта кото га сиаваэсэ нано (Наша встреча принесла мне счастье).

А затем поднял руки над головой, сложив их в форме огромного сердечка:

— Пожалуйста, подарите мне эту встречу!

Весь зал взревел:

— А-а-а-а! Давай! Прямо сейчас!

Грохот голосов был настолько мощным, что докатился до стоявшего за кулисами Вэнь Чжэчэна.

«...»

Ему это совсем не понравилось.

Точно так же недоволен был и Жун Тяньшэнь. Позабыв о солидности председателя совета директоров, он громко ворчал на экран:

— Хм! Какая еще встреча? Тьфу на него!

Сидящий рядом Жун Цунъянь оставался невозмутим. Подражая тону фанаток, он быстро забарабанил по клавишам, отправляя комментарий:

«Жунжун такой милашка! Голосую за моего персикового мальчика!»

— Не смей это отправлять! — рявкнул Жун Тяньшэнь.

Жун Цунъянь продолжил печатать:

«Я тоже хочу встретиться с этим красавчиком~ И влюбиться в него~»

Жун Тяньшэнь не поверил своим ушам:

— Ты с ума сошел? Это же твой младший брат!

Жун Цунъянь с абсолютно бесстрастным лицом ответил:

— Прямо сейчас я не Жун Цунъянь, а он не мой брат. Я просто бездушная машина для отправки комментариев.

«...»

Слово автору:

Жун Цунъянь: Инструмент во плоти.

Жун Юйхэн и Вэнь Чжэчэн: Дуралей и Бука.

Как только Жун Юйхэн вернулся за кулисы, Пу Цзайси тут же бросился к нему и заключил в крепкие объятия:

— Это было невероятно!

Жун Юйхэна сжали так крепко, что его ноги оторвались от пола. Он пару раз беспомощно дрыгнул ими в воздухе и, поняв, что сопротивление бесполезно, обреченно затих.

Он и подумать не мог, откуда в Пу Цзайси столько силы.

Вдоволь порадовавшись, Пу Цзайси наконец опустил Жун Юйхэна обратно. Приземление

выглядело на редкость торжественно, с налетом какой-то особой церемониальности.

В сочетании с полузадушенным выражением лица Жун Юйхэна это зрелище больше всего напоминало приспускание траурного флага.

Дань Ци после своего выступления ждал за кулисами. Досмотрев эту безмолвную церемонию приземления, он подошел ближе и похлопал Жун Юйхэна по плечу:

— В зале была отличная атмосфера.

Память у Жун Юйхэна была как у золотой рыбки: стоило ему услышать похвалу, как он мгновенно забыл о перенесенных страданиях.

Он довольно прищурился и улыбнулся. Нарисованный цветок персика мягко блеснул в свете софитов:

— Братец Ци, ты за меня переживал?

Дань Ци кивнул:

— Угу. Боялся, что ты растеряешься после моего выступления и не удержишь зал. Но, похоже, я зря волновался.

Жун Юйхэн растрогался и раскинул руки для ответного объятия:

— Спасибо, брат.

В десятке метров от них, в углу, Вэнь Чжэчэн на секунду задержал на обнимающейся паре хмурый взгляд, после чего повернулся к Кэ Тину:

— Учитель Кэ, я отойду в уборную.

— Хорошо.

Вэнь Чжэчэн поднялся и направился к выходу.

<http://bllate.org/book/18291/1754068>